

«Соборность»:
появление термина и понятия
в трудах Псевдо-Хомякова

Вадим М. Лурье

*Институт философии и права Сибирского отделения
Российской академии наук, Новосибирск; Социологический институт
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
Санкт-Петербург, Россия, hieromonk@gmail.com*

Аннотация. Происхождение понятия «соборность» в русских переводах богословских сочинений Хомякова представляло загадку в двух отношениях: было неизвестно, кто автор понятия, и был не вполне определен тот смысл, который заложил в это понятие его неизвестный автор. В статье доказывается, что автором термина и понятия стал Ю.Ф. Самарин в 1863 г. (или чуть ранее), а первоначальный смысл понятия «соборность» был определен посредством аналогии с понятием «общинность», также введенным славянофилами. Таким образом, «соборность» обозначала некий принцип церковного единства, имеющий «внутреннее сродство» (выражение Самарина) с принципом единства сельской общины.

Ключевые слова: А.С. Хомяков, Ю.Ф. Самарин, славянофилы, соборность, сельская община, экклесиология

Для цитирования: Лурье В.М. «Соборность»: появление термина и понятия в трудах Псевдо-Хомякова // *Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии*. 2020. № 1. С. 72–88. DOI: 10.28995/2658-4158-2020-1-72-88

«Conciliarity»:
the emergence of a term and concept
in the writings of Pseudo-Khomyakov

Basil Lourié

*Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk;
Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian
Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia, hieromonk@gmail.com*

Abstract. The origin of the notion *sobornost'* (“conciliarity”) which first became known from the Russian translations of the theological works by A.S. Khomyakov was enigmatic in two respects: it was unknown who was the

author of the term and the notion and what was its original meaning either. The article argues, that the author of the term was Yuri F. Samarin in 1863 (or slightly earlier), and that the original meaning of the notion *sobornost'* was defined by means of an analogy with the Slavophilic notion *obshchinnost'* ("communality"). Thus, the "conciliarity" denoted a certain principle of the Church unity, having "an inner kinship" (Samarin's wording) with the principle of consistency of the peasant community.

Keywords: Alexey S. Khomyakov, Yuri F. Samarin, Slavophiles, *sobornost'*, (conciliarity), peasant community, ecclesiology

For citation: Lourié, B. (2020), "Conciliarity": the emergence of a term and concept in the writings of Pseudo-Khomyakov", *Studia Religiosa Rossica: Russian Journal of Religion*, no. 1, pp. 72–88. DOI: 10.28995/2658-4158-2020-1-72-88

От «исторического Хомякова» к «Псевдо-Хомякову проповеди»

Одно из первых любопытных известий о себе, которые Алексей Степанович Хомяков (1804–1860) должен был получить на том свете, состояло в том, что он посмертно стал автором богословского понятия и даже самого термина «соборность». Обрадовало его это известие или нет – тема отдельного исследования, от которого мы сейчас уклонимся. Нас будет интересовать другое: кем же был автор этого понятия, появившегося только в русских переводах сочинений Хомякова, написанных на французском языке, и что этот автор имел в виду?

Хомяков писал свои богословские сочинения на трех или четырех языках – русском, французском и английском (и, вероятно, чуть-чуть на латыни), – из них главные были написаны на французском. Почти все они были переведены на русский еще в XIX в. Переводы с английского вполне точные, но там и содержание не особенно сложное. Переводы с французского в некоторых местах существенно отличаются от оригинала. Одно из таких существенных отличий проявляется в неожиданном термине «соборность», возникающем в первой и третьей брошюрах о западных вероисповеданиях. Ни в каких других приписанных Хомякову сочинениях этот термин не встречается, и само это слово было вне его лексикона.

Если некое произведение приписывается какому-то автору, известному по другим произведениям, но ему не принадлежит, то в европейской научной традиции к имени автора такого произведения прибавляют приставку «Псевдо-». В этом смысле можно сказать, что русские переводы французских сочинений Хомякова,

опубликованные во всех изданиях его восьмитомного собрания сочинений, суть произведения Псевдо-Хомякова. Они представляют собой не столько перевод в нашем обычном сегодня смысле слова, сколько переработку оригинального текста, таргум. Таргум – это «перевод» во всем диапазоне значений этого слова в культурах античных и средневековых: от буквального перевода до очень сильной переработки и расширения текста. Приписывая Хомякову русскоязычные таргумы его франкоязычных богословских произведений, мы рискуем потерять из вида оригинальные богословские идеи автора, принимая за них то, что прочитаем в этих текстах, надписанных его именем. Так обычно и случалось с теми историками богословия, которые изучали Хомякова по русским переводам¹.

Расстояние между «историческим Хомяковым» и «Псевдо-Хомяковым проповеди» – той проповеди, первыми апостолами которой стали Ю.Ф. Самарин и А.И. Кошелев², – вполне сопоставимо с расстоянием между “Historical Jesus” и “Christ of kerygma” в протестантской библейской критике, но пока его трудно оценить,

¹ См. подробнее, с библиографией [Лурье 1994].

² Главными документами «агиографического досье» Хомякова являются два: Предисловие к его богословским сочинениям, написанное его младшим другом и учеником Ю.Ф. Самариным (1819–1876) и публиковавшееся во всех изданиях второго тома восьмитомного собрания сочинений Хомякова, начиная с 1867 г., а также «Воспоминания об А.С. Хомякове» его друга и ровесника А.И. Кошелева (1806–1883), впервые опубликованные в 1879 г., но потом неизменно воспроизводившиеся в составе восьмого тома (письма) восьмитомного собрания. Оба автора зафиксировали письменно то представление о Хомякове, которое сложилось среди части его друзей уже к середине 1840-х гг. Согласно этому представлению, которое является в полном смысле слова агиографической легендой, Хомяков не просто читал, но и прекрасно знал святоотеческую литературу и был с детских лет утверджен в православной вере, которую всегда понимал и не испытывал в ней ни малейших колебаний. О действительном положении дел см.: [Лурье 1994], *Хомяков А.С. Сочинения*: В 2 т. / Сост. В.А. Кошелева; подгот. текста В.А. Кошелева, В.М. Лурье, Н.В. Серебренникова, А.В. Чернова. Т. 2. М.: Московский философский фонд; изд-во «Медиум»; журнал «Вопросы философии», 1994 (Из истории отечественной философской мысли: Приложение к журналу «Вопросы философии») и готовящийся комментарий к богословским сочинениям Хомякова в его академическом полном собрании сочинений. Разумеется, сами Самарин и Кошелев, а также еще некоторые лица, причастные к изданиям Хомякова в дореволюционной России, в эту легенду верили.

поскольку «исторический Хомяков» до сих пор привлекал к себе непропорционально мало внимания³. Сейчас мы тоже не будем говорить об «историческом Хомякове», а сосредоточимся лишь на происхождении термина, ставшего «брендом» Псевдо-Хомякова проповеди Самарина и Кошелева, – «соборности».

«Псевдо-Хомяков» – это псевдоним авторского коллектива, в котором Юрий Федорович Самарин играл главенствующую роль, но в нем участвовали и другие лица, особенно Н.П. Гиляров-Платонов (тоже в какой-то период жизни друг Хомякова и его собеседник по богословским вопросам, но в отличие от Самарина не благоговевший пред ним и сильно расходившийся с ним во взглядах)⁴. Кто из них придумал «соборность» – это один из вопросов, на которые мы постараемся ответить.

³ Изучение «исторического Хомякова» в самом своем начале натывается на труднопреодолимое препятствие – необходимость установить те литературные и идейные источники, которые реально им использовались. Вопреки А.И. Кошелеву, это не святоотеческая литература, а западная научно-популярная (редко научная в узком смысле слова) литература и публицистика, которая выходила впервые или переиздавалась в то время, когда Хомяков заинтересовался богословием, т. е. со второй половины 1840-х гг. В русской дореволюционной историографии для установления фактических источников Хомякова сделали очень немного лишь некоторые из издателей (П.И. Бартенев и Д.А. Хомяков, старший сын Алексея Степановича), но в целом русская дореволюционная и эмигрантская историография, не исключая даже критичного к Хомякову Г.В. Флоровского, способствовали закреплению и развитию легенды о богословской эрудиции Хомякова. О том, что с этой эрудицией не все ладно, впервые заговорили в 1930-е гг. западные исследователи, из числа которых, впрочем, весьма немногие углублялись в проблемы источниковедения. В комментариях к изданию богословских сочинений А.С. Хомякова на русском языке в 1994 г. мы собрали и дополнили все доступные тогда данные об источниках Хомякова (*Хомяков А.С. Сочинения*. М., 1994). В готовящемся сейчас комментарии к богословским сочинениям Хомякова в составе его академического полного собрания сочинений это предполагается сделать гораздо полнее и систематичнее.

⁴ Об истории создания русского перевода франкоязычных сочинений Хомякова мы до недавнего времени располагали только отрывочными и не всегда достоверными сведениями. В общих чертах история этих переводов реконструирована теперь с использованием неопубликованных архивных данных А.П. Дмитриевым [Дмитриев 2018]. Некоторые дальнейшие уточнения картины, воссозданной А.П. Дмитриевым, будут предложены в комментариях к академическому полному собранию сочинений Хомякова.

«Соборность» до Псевдо-Хомякова

«Соборность» является именем существительным, и в этом ее главная богословская особенность. Зачем понадобилось это существительное, когда уже было прилагательное – «соборный»? Термину «соборный» Хомяков посвятил отдельную статью на французском языке⁵, но как раз в ней – даже в ее русском переводе – не встречается никакая «соборность».

Из существования прилагательного не следует автоматическое существование абстрактного существительного. Несмотря на то что, например, прилагательному «веселый» соответствует абстрактное существительное «веселость» и любой человек понимает, что это за присущее некоторым людям качество и чем оно отличается от временного веселого настроения, – с образованием абстрактных существительных не все просто. Например, прилагательному «красный» соответствует качество «быть красным», но абстрактное существительное «красность» (которое могло бы означать то, что делает красный цвет красным) отсутствует в обычном языке, а постановка вопроса о реальности этого абстрактного понятия вызовет очередной философский спор об универсалиях. Так же и прилагательному «соборный» соответствует свойство Церкви «быть соборной», но из этого не следует автоматически, что есть какая-нибудь реальность за абстрактным существительным «соборность». Во всяком случае, Хомяков еще о ней не знал. «Соборности» нет и в византийском церковном Предании, как и в византийском греческом языке не было абстрактного существительного *καθολικότητα*, появившегося в новогреческом языке сначала как калька французского *universalité* или *catholicité*, а распространившегося в качестве богословского термина уже в XX в. под влиянием Псевдо-Хомякова.

Существительное «соборность» не встречается в известных нам текстах А.С. Хомякова ни разу, но в русском языке оно изредка употреблялось. Обычно оно встречалось как калька с французского *universalité*, чему ближе бы соответствовало русские «вселенскость» (в церковном контексте) или «всеобщность» (в светском контексте). Так, в словаре Ивана Ивановича Татищева (1743–1802), впервые вышедшем в 1786 г. (только вторая часть, без указания составителя) и 1798 г. (полностью и под именем автора) и в основе своей представлявшем собой перевод словаря, выпущенного французской Академией наук, для перевода *universalité* пред-

⁵ См.: Хомяков А.С. Сочинения. М., 1994. С. 238–243: Письмо к редактору “L’Union chrétienne” о значении слов «кафолический» и «соборный». По поводу речи отца Гагарина, иезуита.

лагался следующий ряд синонимов: «общество, соборность, всеобщество, всеродность, всемирность, что разные виды в себѣ содержит, всесвѣтность»⁶. Судя по всему, к началу XIX в. существительное «соборность» получило себе ограниченные, но уже довольно твердые права гражданства в русском языке: только для переводов. О неупотребительности еще в начале XIX в. существительного «соборность» в оригинальных русских текстах свидетельствует лейпцигский лексикограф Иоганн Шмидт (Johann Adolf Erdmann Schmidt, 1769–1851), который не включил это слово в русско-французскую часть своего словаря, но включил во французско-русскую – разумеется, в качестве перевода *universalité*⁷.

Национальный корпус русского языка до 1880-х гг. вообще не знает ни одного случая «соборности»⁸. Если полагать, что в корпусе удалось создать репрезентативное собрание русских текстов, то это означает, что, по сути дела, до 1880-х гг. существительное «соборность» не успело стать полноценным словом русского литературного языка. Надо ли напоминать, что 1880-е годы – это время начала стремительного распространения в России богословских сочинений Хомякова, вышедших во втором издании его собрания сочинений как раз в 1880 г.?

Ближе к середине XIX в. «соборность» потихоньку впитывается в оригинальные богословские тексты на русском языке. Но это происходит только у авторов, по каким-либо причинам ориентированных на иностранное словоупотребление.

Так, у Платона (Фивейского, 1809–1877), автора популярного в середине XIX в. учебника «Православное нравственное богословие» (1854; 4-е и последнее изд. 1867), «соборность» появляется в качестве названия одного подпараграфа (§ 374, в), но без всякого

⁶ Татищев И. Полный Французско-Российский словарь, составленный по новейшему изданию Французского Лексикона Вальи и некоторых других. Издание второе, вновь дополненное и исправленное. Том второй. От L до Z / Издали С. Селивановский и А. Ширяев. М.: В Типографии Семена Селивановского, 1828. С. 345. На этот источник, а также на произведение А.С. Стурдзы (см. ниже) обратил мое внимание Ян Рачинский, председатель общества «Мемориал», которому я за это выражаю большую признательность.

⁷ В русско-французской части есть слова «собор», «соборный», «соборно» и «соборнѣ», но нет «соборности» (Schmidt, J.A.E. [1830], *Nouveau dictionnaire portatif russe-français et français-russe*, Ch. Tauchnitz, Leipzig, p. 374), которая появляется только во французско-русской части в качестве перевода *universalité* наряду с «повсемѣстность» (Ibid, p. 719).

⁸ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: ruscorpora.ru (дата обращения 21.11.2019).

упоминания в тексте. Подпараграф называется «Обязанности, проистекающие из соборности Церкви», и речь в нем идет о том, чтобы шире распространять православие – как географически, так и проявляя его в разных областях человеческой деятельности. В тексте книги автор обходится традиционными синонимами-прилагательными: «соборная», «кафолическая», «вселенская»⁹. Зависимость от западных и особенно католических образцов тут диктуется самим жанром книги: «нравственное богословие» как особая дисциплина было католическим изобретением, и от католиков было заимствовано номинально православными духовными школами. Автор любого учебного пособия по этому предмету следовал западным образцам.

Гораздо более содержательный вклад в усвоение «соборности» русским богословским языком сделал Александр Скарлатович Стурдза (1791–1854) – один из выдающихся православных богословов первой половины XIX в.¹⁰ Масштабы его деятельности как богослова были столь велики, что в России за ней мало кто был способен следить внимательно, – по крайней мере, мало кто из среды русского духовенства, до которого обычно доходили лишь его сочинения на русском языке, сравнительно менее важные. В Греции его знали гораздо лучше. Его основные богословские труды были написаны на французском, переводились на греческий (но не на русский). Славянофилы и Стурдза все время оказывались очень близко друг от друга. Еще ближе друг к другу они стояли в глазах западных богословов, интересующихся православием. Но Хомяков не только не успел оценить Стурдзу как богослова – пусть и такого, с которым он бы во многом не согласился, – но даже не успел его с этой стороны узнать¹¹. Как бы то ни было, для Стурдзы русский язык богословия был «вторым» после французского, который был ему в этой сфере «родным» (вероятно, греческий язык был ему гораздо роднее, но в качестве языка богословской апологетики и полемики греческий был столь же бесполезен, сколь русский).

В одном из своих написанных по-русски «Писем о должностях священного сана» (1841) Стурдза входит в область антикатолической полемики. Здесь у него появляется – и наполняется своеобраз-

⁹ Платон [Фивейский]. Православное нравственное богословие. 2-е изд., испр. и доп. М.: В типографии Александра Семена, 1855. С. 375.

¹⁰ О нем как о многогранной личности см. особо [Ghervas 2008], но специального исследования по его богословию до сих пор не существует.

¹¹ О многочисленных косвенных связях и отдаленных сближениях между Стурдзой и окружением Хомякова см. примечания к богословским сочинениям Хомякова, готовящиеся в академическом полном собрании сочинений.

ным содержанием – термин «соборность», который, в данном случае, оказывается калькой «католичества»: «...католичество, иначе *соборность*, в смысле широкого распространения Церкви по лицу земному»¹². В контексте речь идет о попытках обращения в католичество некоей светской дамы приезжими католиками. Можно не сомневаться, что в соответствующей среде общение происходило на французском языке и оба слова-синонима, «католичество» и «соборность», передают у Стурдзы французское *catholicité* (т. е. *catholicité de l'Église*), имеющее, впрочем, смысл, вполне тождественный с *universalité*. Стурдза чаще всего пишет «соборность» курсивом, чем подчеркивает восприятие этого слова как «чужого», т. е. не принадлежащего полноценно русскому языку.

Стурдза соглашается, что довод о «католичестве», или «соборности», как «несомненном признаке истины самого учения» «заманчив», но обращает внимание на то, что «католичество, или *соборность*, измеряется не только *пространством*, но и *временем*». Поскольку Церковь Римская не имеет «совершенного согласия со Вселенским учением предшествовавших Христианских веков», она утратила свое «католичество» во времени, а одного только «католичества», или «соборности», в пространстве недостаточно. И только Католическая (это слово Стурдза пишет через «и» и с большой буквы) Православная Церковь «удержала за собою полную *соборность времени и пространства!*»¹³.

Как ни остроумен довод Стурдзы, придавшего прежней пространственной «соборности» новое измерение – время, – «соборность» у него остается внешним качеством, а не внутренним принципом устройства Церкви.

«Соборность» *in statu nascendi*

Теперь подошло время рассмотреть те три случая, когда в текстах Псевдо-Хомякова появляется «соборность». Это уже делалось раньше¹⁴, но мы добавим некоторые наблюдения.

Мы будем рассматривать общераспространенный перевод французских брошюр, впервые изданный в Праге в 1867 г. (с указанием в выходных данных 1868 г.) как второй том собрания сочинений Хомякова. «Соборность» появилась именно там. Этот перевод

¹² Стурдза А. Письма о должностях священного сана. 4-е изд. Одесса: В городской типографии, 1844. С. 112.

¹³ Там же. С. 112–113.

¹⁴ См. комментарии к рассматриваемым ниже местам: Хомяков А.С. Сочинения. М., 1994, а также [Söllner 2003, S. 81–82].

как единое целое принадлежит Ю.Ф. Самарину, чем, однако, не предопределяется авторство того или иного термина или выражения в данном переводе. Самарин советовался с разными лицами и, самое главное, имел перед собой более ранний рукописный перевод Н.П. Гилярова-Платонова.

Кратце хронология появления перевода Самарина такова. К концу 1861 г. Гиляров-Платонов передал Самарину свой перевод то ли всех вообще написанных на французском богословских произведений Хомякова, то ли, по крайней мере, всех трех брошюр. Этот перевод не дошел до нас в рукописи, но дошел частично в публикации: в 1863 и 1864 гг. Гиляров опубликовал переводы двух первых брошюр в журнале «Православное обозрение». На этом публикация его перевода была прервана из-за вмешательства духовной цензуры, которая запретила журналу продолжать публикацию Хомякова. Поэтому мы лишены возможности заглянуть в гиляровский перевод третьей брошюры, где у Псевдо-Хомякова в третий и последний раз появляется «соборность».

Перевод Гилярова настолько не удовлетворил Самарина, что он сделал новый перевод, причем работа Самарина над ним началась не позднее начала 1862 г., а завершилась только в начале 1864 г. В этот период Самарину приходилось заниматься многими другими делами и выкраивать время на переводческие труды было непросто. Созданный таким образом второй перевод до нас не дошел. Самарин считал его черновым и отправил Гилярову для доработки. Гиляров за это время успел остыть к делу перевода и продержал перевод у себя едва ли не более года – до весны 1865 г. Есть основания полагать, что никакой особо ценной правки он за это время не внес: по крайней мере, так можно думать по аналогии с предисловием к богословскому тому, которое тоже обещал написать Гиляров, а писать пришлось Самарину. Очень вероятно, что к делу редактирования перевода Гиляров подошел так же, как к делу написания предисловия. Наконец, Самарин решает посвятить себя целиком созданию третьей и окончательной редакции перевода французских сочинений. Для этого он летом 1865 г. уединяется в имении своего брата Васильевское на Волге (ныне село Приволжье Самарской области) и выходит из затвора только поздней осенью 1866 г. – с окончательной редакцией перевода в руках. Уже в следующем году он издает этот перевод в Праге. Мы будем называть этот опубликованный перевод «переводом Самарина» по имени его главного автора и единственного редактора, но не полагая при этом, будто каждое выражение этого перевода принадлежит лично Самарину. По сути, этот перевод принадлежал коллективному автору, которому мы уже дали имя Псевдо-Хомякова.

Ниже мы рассмотрим все три места в переводе Самарина, где появляется существительное «соборность», и сравним их как с французским оригиналом, так и – где это возможно – с переводом Гилярова¹⁵.

Весь доступный для сравнения материал переводов представлен в таблице 1. Фрагменты 1 и 2 принадлежат тексту первой брошюры, фрагмент 3 – третьей.

Таблица 1

№ фрагмента	Текст Хомякова	Перевод Гилярова-Платонова	Перевод Самарина
1	Un concile n'est pas possible, à moins que l'Occident, revenant à l'idée même des conciles, ne commence par condamner son usurpation... (p. 45)	Собор невозможен, разве Запад, возвратясь к самой идее соборов, наперед решится осудить свою узурпацию... (с. 177)	Собор дотоле невозможен, пока Западный мир, вернувшись к самой идее собора, не осудит наперед своего посягательства на <i>соборность</i> ... (с. 56–57 и 366, курсив Самарина)

¹⁵ Здесь и далее произведения Хомякова будут цитироваться по следующим изданиям с указанием только страниц: Ignotus, (1853), *Quelques mots par un chrétien orthodoxe sur les communions occidentales à l'occasion d'une brochure de M. Laurentie*, Imprimerie de Ch. Meyrueis et Compagnie, Paris; Ignotus (1855), *Quelques mots sur les communions occidentales à l'occasion d'un mandement de Mgr l'archevêque de Paris*, Par un chrétien orthodoxe, F.A. Brockhaus, Leipzig; Ignotus (1858), *Encore quelques mots d'un chrétien orthodoxe sur les confessions occidentales à l'occasion de plusieurs publications religieuses, latines et protestantes*, F.A. Brockhaus, Leipzig – оригиналы соответственно, первой, второй и третьей французских брошюр; Хомяков А.С. Сочинения. М., 1994 – перевод Самарина (в некоторых случаях текст Самарина сохранен только в комментариях к этому изданию, а в основном тексте перевод приближен к оригиналу); Хомяков А.С. Несколько слов православного христианина о западных христианских вероисповеданиях // Православное обозрение. 1863. Т. 12. С. 75–100, 163–197; Т. 13. С. 7–38, 105–144 – переводы Гилярова-Платонова соответственно первой и второй французских брошюр.

Окончание табл. 1

2	Le schisme occidental a, comme je l'ai dit, commencé par l'usurpation de l'opinion diocésaine, qui rompit l'unité de la foi universelle... (p. 51)	Западный раскол начался, как я сказал, злоупотреблением местного мнения, которое расторгло единство вселенской веры... (с. 184)	Я сказал выше, что западный раскол начался посягательством епархиального мнения на соборность единоверия... (с. 61 и 367)
3	...qui n'attaquaient pas le dogme de l'Universalité Ecclésiastique (pp. 21–22).	—	...не восставшие против догмата церковной соборности (с. 144)

В тех случаях, где мы можем сравнить, перевод Гилярова является точным, а перевод Самарина уходит от оригинального текста.

Во фрагменте 1 слово «соборность» вообще не имеет французского соответствия и просто прибавлено переводчиком; видимо, это и хотел показать Самарин, набирая его курсивом.

Во фрагменте 2 «соборность» появляется в составе необычного перевода вполне обычного выражения «единство вселенской веры» (как и перевел его Гиляров), *l'unité de la foi universelle*. Может быть, такой перевод был подсказан традиционным к тому времени переводом *universalité* как «соборность», но тут при переводе сделаны семантические сдвиги: *l'unité* «единство» перенесено к *la foi* «вера», что дало в переводе «единоверие», а прилагательное *universelle* «вселенская», относившееся к «вере», переделано в существительное «соборность».

Во фрагменте 3 мы, наконец, встречаем обычный для русского языка середины XIX в. механизм продуцирования «соборности»: это калька французского *universalité*. Но и здесь не обходится без интересных подробностей.

Дело в том, что в этом месте третьей брошюры Хомяков цитирует сам себя, свою первую брошюру, но делает это в своей обычной манере: помещает внутри кавычек текст, далекий от дословного соответствия источнику, и еще хорошо, если вообще узнаваемый. Хомяков поступает так при цитировании других авторов, но не делает исключения и для себя самого. Поэтому переводчик был в данном случае лишен возможности просто процитировать

фрагмент уже готового перевода первой брошюры. Тем не менее пересказанный автором довольно близко к тексту его более ранний пассаж вполне узнаваем. В первой брошюре соответствующее место выглядело как «ils ne niaient pas le droit divin de l'université ecclésiastique» (р. 44) и было переведено у Самарина как «не отрицали Божественного права церковной вселенскости» (с. 55). В первой брошюре Хомяков очень часто использовал термин *l'universalité* в его общеупотребительном значении, как это было и в данном случае, и он повсюду переводился как «вселенскость» даже и у Самарина¹⁶.

Во второй брошюре Хомяков стал предпочитать другой синоним, *la catholicité*, иногда даже *le Catholicisme*, для которого еще Гиляров нашел эквивалент «каѳоличество», удержанный Самариным (впрочем, *le Catholicisme* Гиляров переводил «Католицизм» независимо от контекста)¹⁷. Это был абсолютный неологизм, который не прижился в языке русского богословия даже и после Хомякова¹⁸. Новое слово, однако, не означало ничего нового по содержанию: это был синоним уже знакомого по первой французской брошюре термина «вселенскость», что позаботился разъяснить сам же Хомяков. У Хомякова: *Le Catholicisme, ou plutôt l'universalité de la vérité connue...* (р. 22), у Самарина: «Каѳоличество, или яснее, вселенскость познанной истины...» (с. 86). Этот пример интересен тем, что даже очевидная и для Хомякова, и для всех его читателей соотнесенность *catholicité* с καθολική (sc., ἐκκλησία) из Никео-Цареградского Символа веры, в славянском переводе которого для этого слова выбрано прилагательное «соборная», не спровоцировала переводчиков на употребление слова «соборность». Смысловая дистанция между «соборной» (Церковью) и «соборностью» ощущалась и помешала заменить одно на другое.

¹⁶ Вот перечень таких мест: трижды встречающееся выражение *l'universalité de l'Église* (р. 25, 35, 62) – всегда «вселенскость Церкви» (с. 40, 48, 70); *le dogme de l'universalité ecclésiastique* (р. 41) – «догмат о церковной вселенскости» (с. 53); *le dogme de l'universalité et de la sainteté de l'Église* (р. 43) – «догмата о вселенскости и святости Церкви» (с. 54).

¹⁷ Всего семь случаев во второй брошюре, причем все они в пределах одного рассуждения, связанного с мечтами Александра Вине о будущей истинной «каѳоличности» христиан (с. 85–87; см. оригинальный текст: р. 20–22; в переводе Гилярова: с. 20–23; Гиляров всегда пишет «Каѳоличество» с заглавной буквы); та же лексика на английском – в письмах Пальмеру.

¹⁸ Так, Национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru) не знает его совсем. Мне не удалось найти ни одного случая употребления этого термина вне цитирования русских переводов Хомякова.

«Вселенскость» – это свойство Церкви, которое не является эмпирически наблюдаемым (средствами, доступными неверующему), но, по крайней мере, понятное логически: речь идет о том, что Церковь всюду одна и та же, тождественна самой себе, вопреки своей географической (и темпоральной – как напомнил Стурдза) протяженности. Но «соборность» как термин подразумевает, что это название какого-то принципа, *проявляющегося* в единстве Церкви, а не феномен единства как таковой. В своих богословских сочинениях Хомяков все время пытался разъяснить этот принцип, в котором он полагал главное отличие истинной Церкви от объединений католиков и протестантов.

В третьей брошюре появление «соборности» на месте *universalité* оказывается, таким образом, в противоречии с принципами перевода первой и второй брошюр, где для *universalité* всегда сохранялся эквивалент «вселенскость». Видимо, «соборность» появляется здесь случайным образом – просто для напоминания о термине, введенном при переводе первой брошюры.

У «исторического Хомякова» собственные концепции единства Церкви неоднократно менялись по ходу его полемики с различными западными оппонентами¹⁹, и он никогда не давал ему отдельного названия²⁰. «Хомяков проповеди» Ю.Ф. Самарина и А.И. Кошелева восполнил недостающее.

Изобретатель «соборности»: Ю.Ф. Самарин

Появление термина «соборность» в переводе Самарина, а не Гилярова-Платонова уже с большой степенью вероятности указывает на Самарина как на его автора. Тем не менее это еще не доказательство авторства Самарина, поскольку Самарин мог внести этот термин на стадии редактирования своего перевода по предло-

¹⁹ Об этом см. [Лурье 1994] и готовящийся комментарий к академическому полному собранию сочинений Хомякова.

²⁰ Во второй брошюре Хомяков зашел дальше всего в идентификации такого принципа, но им у него оказался Святой Дух. К этой фазе Хомяковского богословия в наибольшей степени относится исследование Патрика О'Лири [O'Leary 1982]. Хомяков, не без указаний извне (вероятно, от друзей, способных критически воспринимать его богословие, – И.В. Киреевского и М.С. Мухановой; см. комментарий в готовящемся академическом собрании сочинений), понял, что слишком увлекся, поскольку в такой божественной Церкви было затруднительно разместить реальных людей. В итоге поиски принципа церковного единства уперлись у Хомякова в христологию, что оказалось для него тушиком; см. подробно [Лурье 1994].

жению кого-либо из тех, с кем он советовался. Но доказательство авторства именно Самарина у нас все-таки есть.

В 1863 г. Самарин опубликовал свою программную статью «Современный объем польского вопроса». Он работал над ней одновременно с переводом Хомякова, и она была, очевидно, в числе причин, из-за которых работа над переводом шла тогда медленно. В этой статье Самарин выводит дальнейшие следствия из принадлежавшей еще Хомякову мысли о религиозном значении крестьянской общины. Для Хомякова и Самарина крестьянская община у православного народа обращается в единицу единства церковного, вполне в духе остроумного замечания Бердяева, сказанного о Хомякове, но еще более приложимого к Самарину: «У него выходило почти так, что без сельской общины христианство невозможно»²¹.

В статье 1863 г. у Самарина впервые появляется термин «соборность», – которого в его более ранних сочинениях не было, – и появляется он именно в «хомяковском» контексте полемики с западными исповеданиями:

Историческая задача латинства состояла в том, чтоб *отвлечь от живого организма церкви идею единства, понятого как власть, облечь ее в видимый символ, поставить, так сказать, над церковью полное олицетворение ее самой и через это превратить единение веры и любви в юридическое признание, а членов церкви – в подданных ее главы*. Эта задача, перенесенная в мир славянский, в историческую среду общинности не в тесном только значении совокупления экономических интересов, но в самом широком смысле множества, свободно *слагающеюся в живое, органическое единство*, должна была возмутить естественное развитие народной жизни до последней ее глубины. Действительно, латинство по свойству внутренних побуждений, из которых оно возникло, было враждебно в одинаковой степени: *общинности*, этой характеристической племенной особенности славянства, и началу *соборного согласия*, на котором построена и держится православная церковь. Понятно, что разрыв в пределах церковной общины приводил неминуемо к разложению общины гражданской и что, наоборот, среда, в которой предназначено было развиваться историческим силам славянства, так сказать, *предопределилась внутренним родством двух указанных выше начал – общинности и соборности*²² [все курсивы автора].

²¹ Самарин Ю.Ф. Собрание сочинений: В 5 т. / Общ. ред. А.Н. Николюкина. СПб.: Росток, 2013. Т. 1. С. 445–446

²² Характерным примером таких рассуждений Хомякова (как раз по поводу второй брошюры, наиболее «эклисиологической» из трех) является его письмо М.С. Мухановой, датированное нами (в комментарии к академическому собранию сочинений) периодом от конца июля до конца

Самарин не углубляется в богословские тонкости, где, как он считает, все уже разрешил Хомяков. Поэтому ему не нужно разбираться, где в «соборности» действует человек, а где Бог и каким именно образом они действуют. Он просто формулирует то, что «исторический Хомяков» сказать не решился: будто «общинность» и «соборность» – это две данности, два начала, между которыми имеется «внутренне сродство». Одно конституирует светскую жизнь народа, когда она не нарушена, а другое – собственно христианскую жизнь.

Интуиция относительно «внутреннего сродства» церковного устройства с устройством светской крестьянской общины принадлежала, разумеется, «историческому Хомякову». Но «исторический Хомяков», будучи не в силах отказаться от этой своей богословской интуиции, все время своих занятий богословием (с 1840-х гг. до смерти) пытался найти что-то похожее на нее в учении православной Церкви. Самарин не догадывался, сколь тяжелы были эти поиски и каков был их финал. При очередных богословских неудачах Хомяков умел даже сам себя убедить, будто он просто не успел до конца сформулировать то, что он имел в виду, но уже в следующем произведении он непременно все исправит²³. Что уж тогда говорить о Самарине, который верил Хомякову безусловно.

Если «исторический Хомяков» был внутренне уверен в наличии «сродства» между принципами единства крестьянской общины и единства Церкви, то он все-таки никогда не решился заявить об этом на языке богословия. Он понимал, что для такого заявления ему нужна будет богословская экспликация того, что делает Церковь Церковью, причем эта экспликация должна будет совпасть с его объяснением того, что может объединять людей в общины светские. Пусть он и жил с чувством того, что это вот-вот ему удастся, как могли бы какие-нибудь алхимики прожить жизнь с чувством, что они вот-вот и откроют философский камень, – но все же ему хватило трезвости не выдавать желаемое за действительное. Зато это сделал Самарин – взявший на себя, как он думал, всего лишь роль толкователя Хомякова на русском языке.

Термин «соборность» конструируется Самариним по образцу термина «общинность». Сходство обоих терминов должно было подчеркивать их «внутреннее сродство».

августа (по старому стилю) 1855 г. (Хомяков А.С. Собрание сочинений. Т. 8. М.: Университетская типография, 1900. С. 420–421).

²³ “Sir William Ramsay”. *The Times*. 22 April, 1939, p. 14; “Sir William Mitchell Ramsay”. *The Glasgow Herald*. 22 April, 1939, p. 13; Howard, W.F. (1938), “William Mitchell Ramsay: Archaeologist and Historian”, *Religion in Life*, vol. VIII, pp. 580–590 (reprinted: Howard, W.F. (1949), *The Romance of New Testament Scholarship*, Epworth Press, London, pp. 138–155.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 20-68-46021, «Славянофильство в религиозно-философском диалоге: 1836–1917».

Acknowledgements

The study was supported by the Russian Science Foundation, project no. 20-68-46021, “Slavophilism in the religious-philosophical dialogue. 1836–1917”.

Литература

- Дмитриев 2018 – *Дмитриев А.П.* Н.П. Гиляров-Платонов и Ю.Ф. Самарин в работе над изданием богословского наследия А.С. Хомякова // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2018. Т. 19. Вып. 3. С. 121–129.
- Лурье 1994 – *Лурье В.М.* Догматические представления А.С. Хомякова // Славянофильство и современность: Сб. ст. / Отв. ред. Б.Ф. Егоров, В.А. Котельников, Ю.В. Стенник. СПб.: Наука, 1994. С. 158–176.
- Ghervas 2008 – Ghervas, S. (2008), *Réinventer la tradition, Alexandre Stourdza et l'Europe de la Sainte-Alliance*, Honoré Champion, Paris.
- O'Leary 1982 – O'Leary, P.P. (1982), *The Triune Church: A Study in the Ecclesiology of A. S. Homjakov*, Dublin Dominican Publications, Dublin.
- Söllner 2003 – Söllner, K. (2003), *Karriere eines theologischen Begriffs: sobornost' bei Aleksej Chomjakov und in den Heilsbotschaften des russischen Cyberspace*, Individualität in Russland und Deutschland, K. Berner, A. Hattenbach, hrsg., Villigst Profile, 2, LIT Verlag, Berlin, SS. 77–88.

References

- Dmitriev, A.P. (2018), “N.P. Gilyarov-Platonov and Yu.F. Samarin working on the edition of the theological heritage by A.S. Khomyakov”, *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*, vol. 19, iss. 3, pp. 121–129.
- Ghervas, S. (2008), *Réinventer la tradition, Alexandre Stourdza et l'Europe de la Sainte-Alliance*, Honoré Champion, Paris, France.
- Lur'e, V.M. (1994), “Dogmatic representations of A.S. Khomyakov”, in Egorov, B.F., Kotel'nikov, V.A. and Stennik, Yu.V., eds., *Slavyanofil'stvo i sovremennost', Sb. Statei* [Slavophilism and modernity: Collection of articles], Nauka, Saint Petersburg, Russia, pp. 158–176.
- O'Leary, P.P. (1982), *The Triune Church: a study in the ecclesiology of A.S. Homjakov*, Dublin Dominican Publications, Dublin.
- Söllner, K. (2003), *Karriere eines theologischen Begriffs: sobornost' bei Aleksej Chomjakov und in den Heilsbotschaften des russischen Cyberspace*, Individualität in Russland und Deutschland, K. Berner, A. Hattenbach, hrsg., Villigst Profile, 2, LIT Verlag, Berlin, SS. 77–88.

Информация об авторе:

Вадим М. Лурье, доктор философских наук, Социологический институт РАН – филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия; Россия, 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14. hieromonk@gmail.com

Information about the author:

Basil Lourié, Dr. of Sci. (Philosophy), Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences – a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia; bld. 25/14, 7th Krasnoarmeyskaya Str., St. Petersburg, Russia; hieromonk@gmail.com